

готовности раскрыться до конца. В этом смысле приобретает особый смысл мысль о том, что доверие может быть «обменено» только на доверие.

Есть ли какая-либо возможность сделать из этих рассуждений какие-либо выводы «практического» свойства? Важнейшим выводом такого рода может быть суждение о том, что доверие является слишком сложной проблемой для того, чтобы пытаться применить к ней критерии «простоты», хотя с точки зрения обыденного здравого смысла задача состоит именно в этом. При всей внешней привлекательности такого стремления по своей сути оно означает ни что иное как опустошение человека и его отношений, их устранение по причине сложности.

Требование ставить перед собой достижимые («простые») цели, с тем чтобы сложности не усложняли и без того сложную жизнь, приводит к тому, что человек, увлекаясь достижением «реальных», непосредственных интересов и целей, лишает себя, в конце концов, возможности реализовать даже такую «простоту». Если говорить более обобщенно, то следует подчеркнуть, что человечность отношений людей означает не просто их сложность, но и непрестанное усложнение. Соответственно, человеческие отношения не могут не становиться все более сложными, т.е. все более человеческими. Без такого усложнения - очеловечивания любая деятельность способна приобретать разрушительный характер для самого человека и человечности. При этом мы ни в коей мере не отождествляем усложнение и нарастание препятствий на пути решения проблем человеческого общежития. Для нас нарастание сложности человеческих отношений является синонимом обогащения этих отношений, возвышением уровня их обобщенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.42
2. Фромм Э. Психоанализ и этика. - М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. - 568с.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. - 527с.

ЛЕПСКИЙ М. А.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование социальной перспективы как динамики, изменений картины мира является частью проблемы диалектического единства статики и динамики в мировоззрении человека. Статика и динамика в картине мира проявляется в различных понятиях, срезах и измерениях, но наиболее важными для человека являются те связи, характеристики, объекты и процессы, которые могут служить практической реализации жизни человека, как биосоциального существа.

Человек является, в конечном счете, субъектом любой деятельности и познания, хотя и зависит от уровня субъективности (доминирования в его активности индивидуальной, групповой, государственной, общественной или какой-либо иной направленности, со своими приоритетами), от функциональной роли (ведущего или ведомого; носителем частного или общего; отдельного - отграниченного или включенного в масштабную целостность, согласованности или противостояния иным социальным субъектам).

Узнавание и освоение мира у человека представляет собой процесс внутреннего упорядочивания происходящего с человеком, в отношениях к предметному миру, к природе, к другим людям или к обществу. По своей сути, упорядочивание субъективного отношения к происходящему – это и есть создание картины мира, узнавание делает мир понятным, пусть даже и до определенной меры, а освоение делает мир «своим», т.е. приемлемым или даже благотворным для жизни.

Включенность человека в масштабные социальные субъекты, требовало создания общего видения картины мира, без которого невозможны ни какие масштабные социальные субъекты, поскольку даже два человека без наличия общего не смогли бы действовать «за

одно». При этом общественная картина мира может быть представлена, во-первых, в виде универсального для отдельных людей, каждый из которых обладает своей особенной, связанной с его личной сферой жизни конкретной картиной мира; во-вторых, как целостность индивидуальных и групповых фрагментов целого, связанных принципом дополнения с существованием «цементирующего картину мира» общего для соприкасающихся фрагментов.

Первый подход рассматривает общее - универсальное как над личное или пронизывающее индивидуальное личное многих социальных субъектов, поэтому гениальность субъекта состоит в способности проникнуть в глубину истины или осуществить восхождение в общее. Универсальное может быть доступно почти каждому, поэтому и является универсальным, но степень и уровень его достижения зависит не только от условий, но и от способностей субъекта, от совокупных его усилий, что и составляет уникальность творчества. Эту концепцию предложил еще Аристотель, разграничив поверхностные явления и глубинную сущность.

Во втором подходе в большей степени исследуется возможность появления нового и распространения его на все фрагменты социальной картины мира.

Исследованию процессом появления и распространения нового посвящена новая дисциплина - инноватика. Одним из центральных проблем которой является исследование процесса «диффузии» нововведений в социальном пространстве. Д.Шон предложил свою типологию процессов диффузии [1].

Первая модель определена им как «центр-периферия» - распространение нового осуществляется и контролируется из одного центра. При этом распространение происходит или в варианте «магнита», в «магнитящий» центр притягиваются с периферии наиболее активные и динамичные представители. Они осваивают новое, а после возвращения на периферию его распространяют, являясь носителями нововведений; или в варианте «средневекового барда» - центра, который перемещается, демонстрируя и внедряя нововведения. Вторая модель определена как «размножение центров», главный центр уже не определяет весь процесс управления, поскольку он децентрализуется. Локальные центры определяют специфику нововведениями местными условиями.

Необходимо отметить, что подобная схема диффузии характерна не только для распространения нового, но может использоваться для реанимации (реконструкции) старого.

Можно отметить, что второй подход рассматривает плоскостные, пространственные перемещения нового, творцом которого являются те или иные центры. При этом нововведения рассматриваются как уникальные и неповторимые, определенные гениальностью творящих людей. Общее распространяемое по фрагментам зависит от конкретных, локальных условий, но возникнуть может только в особом уникальном событии, сцеплении многих условий и факторов, в которых оказалась гениальная личность или творческая группа.

Первый и второй подход можно рассматривать в диалектическом единстве, как внутреннего (в границах целостности) и внешнего (в границах окружающего целостность мира) измерения пространственной динамики картины мира. При этом время определяет последовательность изменения в пространстве, в первом подходе, как внешнего, для социального субъекта, распространения, во втором подходе, как изменение внутренних количественных и качественных характеристик социального субъекта. По отношению к новому сначала происходит изменение внутренних характеристик субъекта преобразования – носителя нового, затем пространственное распространение. Некоторые субъекты, в этом случае, оказываются в роли трансформирующихся, воспринимающих и осваивающих преобразования.

Современные исследования социальных изменений в той или иной степени опираются на работу П.А. Сорокина «Социокультурная динамика» (4 тома по 700 страниц), или

учебник по социальной динамике его ученика В. Мура. На работы этих авторов опирался и учебник следующего поколения С. Ваго. Наиболее полную инвентаризацию теоретических подходов к исследованию социальных изменений сделал П. Штомпка в работе «Социология социальных изменений».

В исследованиях социальной динамики, по прежнему, в качестве классического определения используется дефиниция социокультурного процесса П.А. Сорокина: «под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или «эволюции», короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течении определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик [2].

Ю.М. Плотинский, при исследовании социального изменения, акцентирует внимание на его дефиницию: - «под социальным изменением будем понимать любое изменение характеристики наблюдаемого социального объекта» [3].

Эти определения в диалектической взаимосвязи статики и динамики требуют некоторого уточнения. Социальной статикой является то, что может находиться в динамике, или что характеризуется процессуальными изменениями во времени. И наоборот, социальной динамикой является противоположное статике, то, что характеризует изменяемое во времени и проявляет процесс как таковой. В определении процесса П.А. Сорокина социальная статика представлена местом (взаиморасположением объектов) и характеристиками. Качественные и количественные характеристики определяют объект, отграничивают его от места и других объектов, позволяют выделять общее – особенное – единичное, анализировать содержание и форму. При этом важно то, что характеристики обозначают объект как отдельное от окружающего. Но социальное пространство состоит из людей, которые объединяются в масштабные социальные субъекты и выполняют определенные функции в масштабных социальных целостностях, поэтому социальное место определяется ролью человека в масштабном социальном субъекте. Иными словами, социальное место характеризует пространственную определенность человека, а социальная роль – функциональную заданность в социальной целостности.

Исходя из этих уточнений, необходимо остановиться на познавательной архитектуре социальной перспективы. Картина мира в исследовании статических характеристик, места или изменения места объекта пользуется достижениями топографии - напрямую - простым переносом ее понятийного аппарата или по аналогии - уточняя в переносе специфику социальной топографии. Топография (гр.toros – место, местность + графия пишу, описание) рассматривается как научная дисциплина, изучающая методы изображения географических и геометрических элементов местности и создания на их основе топографических карт или, собственно, поверхность какой-либо местности, взаимное расположение ее пунктов, частей. Потребности топографии и геометрии определили разработку в математике такого ее раздела как топология (гр.toros – место, местность + логия наука), изучающая свойства геометрических фигур (свойства, не изменяющиеся при любых непрерывных преобразованиях фигур).

Большой вклад в исследование специфики геометрического и социального пространства осуществил П.А. Сорокин, исследовав специфические отличия социального пространства от геометрического. Специфика социального пространства, по его мнению, состоит в следующих положениях: 1) социальное пространство – это народонаселение Земли; 2) социальное положение – это совокупность его (человека) связей со всеми остальными группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами; 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей; 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида [4].

Исходя из этих положений евклидово геометрическое пространство – трехмерное, а социальное многомерное. Но П.А. Сорокин «упрощает многомерность» до двух основных классов, которые определены как горизонтальный (включенность в группу) и вертикальный параметры (принадлежность к рангу в группе – к страте) человеческой вселенной. Отсюда динамика в социальных координатах исследуется как социальная мобильность, изменение в социальном положении.

Топографические и топологические методы исследования социального пространства получили распространение в схематизации теории графов и в моделировании. Начиная с 1944 года, когда вышла в свет монография Дж. Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», топографические методы развивались с учетом взаимодействия ключевых социальных субъектов. Теория игр, как модернизированная топография во взаимодействии субъектов, первоначально использовалась в экономике и развивается в теории управления. Постепенно она стала использоваться в политической сфере жизни. Так, З. Бжезинский анализируя политическую сферу мира использовал аналогию шахматной игры, а политическое мировое пространство назвал «Великой шахматной доской», где после второй мировой войны до 1991 года сложился двух полюсный мир – США и Советский Союз, а после формируется однополюсный мир трансатлантической Европы с лидерством США [5].

Введение взаимодействующих субъектов всегда требует исследования времени как последовательного изменения характеристик взаимодействующих субъектов, объекта и предмета взаимодействия, а также влияющего на это взаимодействие окружающего мира. Специфика временных характеристик картины мира состоит в триединстве: прошлое – настоящее – будущее.

Как точно отметил С.К. Бетяев «прогностика – это учение о прогнозах, когда время $t > 0$; а диагностика – это постановка диагноза при $t = 0$. Физики отличают прогностические уравнения, описывающие нестационарный процесс, эволюционирующий в положительном течении времени. От диагностических уравнений, описывающих стационарное состояние системы в фиксированный момент времени $t = 0$ » [6].

Диагностика (греч. *diagnosis* – распознавание, определение) описывает состояние с помощью качественных и количественных характеристик объекта в настоящий момент времени. Диагностика – отражает специфику настоящего, для субъекта, времени. Настоящее характеризуется не только объективным уже сложившимся (как в прошлом времени), но и субъективным, тем, что зависит от усилий субъекта и может быть изменено. Прошлое нельзя изменить, можно изменить представление о нем, если же представления не соответствуют объективным фактам, то происходит процесс фальсификации, субъект выдает свое желаемое видение прошлого за действительно происходившее. Поэтому в исследовании прошлого, в сопоставлении объективных фактов желаемое, как аксеологическая сторона исследователя должна отсутствовать, но само исследование – позиция историка обладает аксеологией, иначе все исторические исследования теряли бы актуальность и значимость для настоящего и будущего. Диагностика, же наоборот, напрямую зависит от аксеологии, оценочно-волевой стороны исследователя, поскольку «наше время» определено мерой жизни и мерой смерти социальных субъектов, их силой, и субъект может в той или иной степени повлиять на качественные и количественные характеристики, если обладает соответствующими знаниями, масштабом влияния и технологиями. Поэтому, диагностику связывают с кризисом, с таким состоянием объекта, которое требует приложения сил субъекта (П.А. Сорокин, Й. Хейзинга и др).

Й. Хейзинга считает, что исследователь может анализировать только не далекое будущее, поэтому отвергает прогнозирование, но акцентирует внимание на диагностике, в которой важнейшими, по его мнению, являются кризисные симптомы и будущие возможности. «Диагноз так мы отважились назвать свой обзор кризисных симптомов.

«Прогноз» – это слово звучит, пожалуй чересчур смело для выводов, которые должны теперь последовать. Взгляда хватает не более, чем на три шага вперед. Вся перспектива скрыта туманом. Единственное, что остается, – это взвесить некоторые шансы, предположить некоторые возможности» [7].

Диагностику, как предваряющую действия социального субъекта в настоящем времени, рассматривал еще в сороковых годах XX столетия К. Манхейм. Именно поэтому в центре его исследования оказался анализ взаимодействия рационализма, иррационализма и моральности в обществе, с помощью которого ставился «диагноз нашему времени» [8].

Диагностика предваряет собой прогнозирование и основным продуктом диагностики является определение перспективных проблем. При этом прогнозирование носит не детерминированный, а вероятностный характер. Проблема прогнозирования состоит в том, что в прогностике была заявлена декларация объективности, но «наше время» для которого осуществляется прогнозирование определяется еще и субъективными, зависящими от социальных субъектов, процессами, что для прогностики рассматривается как «случайный» фактор.

Прогнозирование исследует объективные процессы и является корректным, если в основе положена корректная задача с начальными данными и характеризуется тремя признаками – если прогноз существует, он единствен, и устойчив по отношению к малым возмущениям. В противном случае возможна полная непредсказуемость, с возможной точкой возврата; неединственность прогноза с точкой бифуркации, возможны несколько решений, неразличимых из-за отсутствия качественной информации; и неуверенный прогноз, в котором решение неустойчиво по отношению к малым внешним воздействиям, а «коридор погрешности» расширяется с течением времени (С.К. Бетяев [9]).

Исходя из необходимости корректного прогноза на этапе диагностики, как основы прогнозирования, должна быть поставлена проблема (в познавательном, гносеологическом аспекте – задача), в которой должны быть фактические данные о действительном состоянии (условия); соотнесение положения с субъективной мерой жизни и смерти в целом, или с потребностями деятельности социального субъекта в частности (как желаемое – требования к задаче), и установление разрыва между действительным и желаемым. Прогноз, как предузнавание, направлен, прежде всего, на выявление возможного, наиболее вероятного, будущего состояния объекта и влияющего на него условий. Исходя из этого выявляются законы и закономерности будущей динамики окружающего мира и возможные тенденции его развития. Причем тенденция рассматривается как функция какой-либо характеристики от времени. Вероятностное предузнавание определяется в границах от 0 (это не случится при любом стечении обстоятельств – отсутствие причинно-следственных связей) до 1 (это без всяких сомнений произойдет – жесткая детерминация причины и следствия). Поэтому в прогнозе исследователь пытается максимально учитывать существенные причинно-следственные связи и параметрические интервалы их функционирования.

Прогноз ограничен не только диагнозом окружающих условий, но и топографией, поскольку в социальную территорию может переместиться не спрогнозированный социальный субъект, своей деятельностью, необходимостью согласования действий с ним или противоборства ему изменяя социальную обстановку в частности, или социальное пространство в целом. Но цель прогноза состоит на основе фактического материала установить наиболее вероятное будущее состояние.

Когда же будущее состояние включает в себя ограниченное возможным желаемое, и становится в качестве цели социального субъекта, происходит процесс проектирования. При этом проектирование носит предметный пространственный характер, а достижение проекта, как совокупность последовательных действий можно рассматривать как планирование, в котором проект обретает временную определенность.

Необходимо отметить, что проектирование (объективация нового в социальном мире) и планирование (последовательность осуществления нового) – есть предваряющие субъективную деятельность компоненты динамики, наряду с прогнозированием, составляющие горизонт будущего в картине мира. При этом субъективная принадлежность прогнозирования, проектирования и планирования требует социальной ответственности не только социальных субъектов, воплощающих их в жизнь, но и социальных субъектов прогнозирования, планирования и проектирования. А также установление зависимости планов и проектов от изменения прогнозных условий, при которых они возможны. Изменение объективных условий социального окружения может существенно корректировать планы и проекты, вплоть до невозможности их воплощения, такие условия рассматриваются как форс-мажор – условия, которые социальный субъект не может спрогнозировать и преодолеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schon D. Beyond the Stable State. – N.Y.: Norton, 1971
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. –С.24
3. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С.104
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. /Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. - С.299
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998 - С.16, С.142-143
6. Бетяев С.К. Научный прогноз: сущность и возможности //Вестник Московского университета. – Сер.7. Философия. – 1999. - №2. -С.51
7. Хейзинга Й. Homo Ludens. – М., 1992. – С.349
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С.287-288
9. Бетяев С.К. Научный прогноз: сущность и возможности //Вестник Московского университета. – Сер.7. Философия. – 1999. - №2. -С.54